

Мангасарян Владимир Николаевич

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И КОЭВОЛЮЦИЯ

В статье исследуются механизмы оптимизации взаимодействия общества с природой; критически анализируются возможности возрождения экофильных традиций прошлых эпох; обосновывается необходимость формирования современной экологической культуры на основе синтеза экологически ориентированных традиций и новаций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-1/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 117-120. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 316.334.5

В статье исследуются механизмы оптимизации взаимодействия общества с природой; критически анализируются возможности возрождения экофильных традиций прошлых эпох; обосновывается необходимость формирования современной экологической культуры на основе синтеза экологически ориентированных традиций и новаций.

Ключевые слова и фразы: общество; природа; коэволюция; экологические традиции; экологическая культура.

Владимир Николаевич Мангасарян, к. филос. н., доцент

Кафедра философии

Санкт-Петербургский академический университет Российской академии наук

manvn@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И КОЭВОЛЮЦИЯ[©]

Несмотря на огромный интерес к экологическим традициям, который наблюдается в современных публикациях, значительная часть суждений в них опирается на формы обыденного познания, в рамках которого регулятором упорядоченности и эффективности формирующихся знаний становится так называемый «здравый смысл». В роли обоснования выступают чаще всего ссылки на традицию. Вызывает сомнение обоснованность утверждения, что «новое - это хорошо забытое старое» и возможность, а главное, целесообразность возрождения древних традиций [13, с. 141-142] в связи с вопросом о роли и действии традиции в процессе взаимодействия человека (общества) с природой. Хотя, безусловно, необходимо их глубокое изучение. Однако проблематично возрождать и обучать новые поколения экофильным традициям, которые зарождались в те далекие времена, когда человек еще не провозгласил себя «царем природы», а жил с ней в полном согласии [Там же, с. 137]. Вряд ли такое ощущение присутствовало в тех сообществах, которые были вынуждены непрерывно менять места своего пребывания в зависимости от природных условий, перемещаясь туда, где имелось достаточно источников для пропитания. Очевидно, первобытные племена, как и более поздние развитые сообщества, не могли переживать природу иначе, как доминантную и превосходящую, безжалостно определяющую их местопребывание и способы жизнедеятельности [7; 15, с. 94-95]. Хотя уже в древней мифологии можно найти экофильные мотивы, немало примеров и другого рода. Так, если для древнеегипетской мифологии характерны темы обожествления природы, то в Месопотамии возникает более тревожная по мотивам мифология, связанная с нарушениями природного равновесия, вызванного вырубкой кедровых лесов, к которым человек в силу «приобретенного» невежества относился враждебно [14, с. 69-70, 131, 191]. Древнегреческая мифология тематически продолжает развивать Ассирио-Вавилонские мотивы противостояния человека природе, углубляющегося отчуждения, беспокойства и своеобразной экотревоги. В символах Апполона, Дионисия, Прометея и других мифологических героев человек выделяет себя из природы и становится в одних случаях их покровителем, в других - покорителем и даже разрушителем [2, с. 59-79]. Таким образом, уже в древнейшие времена обнаруживаются разные походы к осмыслению отношений человека и природы. Причем, расшифровывая и сравнивая экологические представления разных эпох, нужно иметь в виду, что на начальных этапах человеческой истории материальная среда, сознание и мораль находились сначала в большем, а затем в меньшем синкретическом единстве, которое вряд ли возможно возродить в современном мире. Следует признать правоту тех исследователей, которые полагают, что в зависимости от того, рассматривается ли природа с точки зрения борьбы за ежедневное выживание поселением каменного века, из перспективы жизни средневекового города, в дворянском имении или же на фоне современного потребительского общества, образуются различные понятия и оценки природы [15, с. 94].

Одной из причин упрощенного осмысления роли традиции в социоприродном взаимодействии является неправомерное сужение понятия «традиция». Такой подход превалировал до восьмидесятых годов прошлого века. Однако эвристически более перспективным представляется трактовка традиции, предложенная рядом исследователей [4; 8; 9; 12] и получившая поддержку значительной части научного сообщества. Полагаю необходимым напомнить об этом и представить на основе данного подхода более широкий взгляд на роль традиции в процессе коэволюционного взаимодействия общества и природы.

Различие, намечившееся в момент раскола природы на природу «как таковую» и природу, выступающую в виде «естественно-исторического» образования - человеческого общества, в ходе исторического процесса привело к углублению противоречий между ними, что чревато риском экологической катастрофы. В этой связи представляют интерес способы, механизмы, позволяющие поддерживать относительное равновесие и сопряженное, коэволюционное развитие общества и природы. Одним из универсальных механизмов, позволяющих достигнуть вышеуказанного эффекта, является традиция. Это свойство традиции связано с ее центростремительной интровертной направленностью, т.е. ориентацией на внутренние механизмы самоорганизации. Причем, «чем сложнее система, тем большее место в ее жизнедеятельности занимают самоорганизация, саморегуляция, координация действий составляющих ее подсистем, согласование... и сохранение этого опыта обеспечивает системе ее целостность и идентичность» [4, с. 107]. Исходя из вышесказанного, представляется перспективным исследование

роли экологически ориентированных традиций в обеспечении социоприродной коэволюции. Как известно, одним из главных факторов эволюции человека было постепенное приобщение его к систематической трудовой предметно-преобразующей деятельности. В процессе исторического развития человек приобрел качества, которые расширили его возможности в освоении новых территорий, сделали его «универсальным» для жизни почти в любых условиях, а человеческая культура постепенно отдаляла его от природы «как таковой». В первую очередь именно культура и ее элементы продолжают динамично «эволюционировать» вместо человеческого организма в ответ на его внутренние потребности и изменения в окружающей среде.

Предки современного человека в силу своей малочисленности и разделяющих их природных преград заселяли планету неравномерно в виде изолированных сообществ в местах с наиболее благоприятными для жизни условиями [1]. В процессе деятельности и в результате адаптации к определенному природному окружению у каждого сообщества наряду с общечеловеческими, т.е. связанными с общими закономерностями развития, вырабатывались свои стереотипные навыки природопользования, формы мышления, поведения и культуры. Таким образом, в процессе взаимодействия с природой человеческие сообщества накапливали определенный опыт, который являлся фундаментом для их существования и развития. Накопление человеческих знаний о мире, накопление опыта производства и социальной жизни, достижений культуры и способов их актуализации - залог развития человеческой цивилизации. И как процесс всего живого нельзя понять и представить себе без наследственности, без биологического накопления элементов процесса, так и прогресс человеческой истории нельзя понять без социального способа накопления достижений человечества.

Аккумуляция, хранение и передача социального опыта предполагают упорядочение достижений цивилизации, во-первых, и отбор наиболее значимых ее элементов, во-вторых. Именно традиции берут на себя эти функции. Программы человеческой деятельности, зафиксированные в культурной традиции, концентрированно выражая исторический опыт тех или иных исторических общностей, подобно генетическим, ориентированы на существенно важные для выживания этих общностей устойчивые, стабильные свойства среды. Благодаря предвидению условий обитания последующих поколений людей, выраженному в информационных программах культурной традиции, становится возможным их адаптивное воспроизводство в его простой и расширенной формах [9, с. 85]. Причем «традиционность» традиции, ее определенная консервативность - необходимое для человека свойство его духовности. Это свойство ограждает человека от неоправданных перестроек поведения при случайных флуктуациях внешних условий жизни. Накапливаемая с помощью механизма традиции информация представляет собой не просто сумму полезных знаний, но определенным образом ориентированный опыт, который благодаря наличию структуры может быть передан во времени. Стереотипизация и передача посредством традиции наиболее значимой информации позволяют не только осуществлять ее отбор, но и постоянно обновлять ее содержание. Благодаря этому у человеческого сообщества возникает возможность не только для компенсации энтропийных потерь, но и для «борьбы» с энтропией [4, с. 107-108]. Как любая системная организация, чтобы поддерживать свое существование, человеческое сообщество должно преодолевать энтропийные процессы двух родов. Затраты и рассеяние энергии компенсируются добыванием энергии из окружающей среды. Для сохранения же и развития собственной организации, для выработки программ своей деятельности человеческие коллективы нуждаются в информации. Это настолько важно, что цивилизацию вообще - не только земную, но любую возможную - иногда определяют как «высокоустойчивое состояние вещества, способного собирать, абстрактно анализировать и использовать информацию для получения качественно новой информации и для выработки сохраняющихся реакций» [6, с. 48].

Потенциально человек способен овладеть всей наличной природой. Однако в реальной истории его универсальность отнюдь не является актуально исчерпанной. Прогресс культуры в целом представляет собой развертывание сущностных сил и способностей человека, расширение области «очеловеченной» природы. В то же время в актуальной ограниченности круга природных предпосылок общественного развития, которые могут быть в данный момент времени вовлечены в «круговорот» общественной жизни, заложена возможность выхода системы «общество - природа» из состояния равновесия и возникновения экологического кризиса. История знает случаи реализации этой возможности в форме локальных экологических кризисов. Но в истории мы встречаемся не только с подобными фактами, но и с активными поисками выхода из такого положения - на основе заново открываемой (каждый раз заново, хотя она - одна и та же) «меры» нормальных взаимоотношений между человеком и природой: природой «вокруг» него, в нем самом, в качестве его самого и других людей [Там же, с. 54].

Поддержанию определенной «меры», сопряженности, коэволюции во взаимоотношениях человека с природой в доиндустриальную эпоху способствовало то, что в обществе господствовали отношения, сохраняемые в форме традиции. Сознание здесь ориентировалось в основном на прошлое. Такая установка определялась и объективным развитием производительных сил, при котором преобладающее большинство населения жило еще природной жизнью, используя примитивные орудия труда. Ритм жизни целиком определялся суточными и годовыми природными циклами. При этом прошлое взрослых оказывалось будущим каждого нового поколения, прожитое ими - это схема будущего для их детей. Культуры, в которых взрослые передавали своим потомкам лишь чувство неизменной преемственности жизни, были характерны для человеческих сообществ в течение тысячелетий. Условия же, ведущие к переменам, всегда существовали в скрытой форме, даже в простом повторении традиционных действий, так как никто не может вступить в один и тот же поток дважды [10, с. 322-324].

Относительное постоянство взаимоотношений с природой и установка на традицию как на механизм сохранения этих коэволюционных взаимоотношений свидетельствовали о существовании определенного равновесия между потребностями общества и возможностями природы удовлетворить эти потребности. Однако

ускоряющийся ход общественного развития постоянно нарушал это равновесие, что заставляло отказываться от устаревших способов деятельности, создавать и совершенствовать новые уровни отношений с природой на основе накопленного опыта. Таким образом, первоначально своеобразная экологическая культура развивалась как способность и сила общества поддерживать равновесие во взаимоотношениях с природой в уже сложившихся естественно-исторических условиях. Эта способность общества восстанавливать, а затем и поддерживать на новом уровне равновесие с природой опирается на культуросотворческую деятельность людей, которая может быть представлена как непрерывный процесс синтеза традиций и инноваций.

Результат инновации существует вначале как единичный прием действия с природными объектами. Если данный конкретный прием деятельности способствует поддержанию экологического равновесия, он обобщается и фиксируется в виде модели, несущей информацию о «технологии» деятельности, обеспечивающей бескризисное существование социоприродной системы. Определяющим признаком инновации являются преодоление сложившихся ранее стереотипизированных программ и создание новых культурных форм в процессе как индивидуального, так и коллективного творчества. Но новизна сама по себе еще не может быть оценена как нечто конструктивное. Только в случае, когда новизна переходит в значимость, т.е. когда путем многократного репродуцирования подтверждается способность новой программы обеспечить экологическое равновесие, традиции берут на себя функцию стереотипизации и последующей передачи результатов творчества. Традиции производят своеобразный отбор, отсеивая одни из инноваций и узаконивая (в качестве традиции) другие. Даже случайно возникшие инновации, путем закрепления их традицией, переходят из единичного в повторяющееся, необходимое путем диалектического снятия, т.е. сохранения случайного в необходимом, превращения единичного, субъективного в неперенные стороны объективного бытия традиции [12, с. 40-42, 50-51]. Другим важным свойством, присущим традиции на всех этапах ее функционирования, является переменность. Изменяющиеся условия среды, неизбежные преобразования компонентов социоприродной системы постоянно нарушают связи структурной детерминации. По мере увеличения количества подобных ситуаций возрастает не только неопределенность традиционных программ деятельности, но нередко происходит их отклонение от ранее утвердившихся стереотипов. Когда подобные изменения достигают таких масштабов, что имеются несколько вариантов программы деятельности, наблюдается процесс формирования новой традиции, ориентированной на поддержание определенной меры во взаимоотношениях общества с природой.

Таким образом, процесс взаимодействия человека с природой нельзя сводить ни к монотонному следованию стереотипам, ни к совокупности непрерывных изменений. Моменты устойчивости, стереотипности и моменты изменчивости, креативности в этом процессе находятся в диалектическом единстве. Обе эти тенденции важны для нормального функционирования социоприродного организма. В условиях резкой акселерации динамических процессов в общественном развитии традиции необходимы как стабилизирующий фактор в системе «общество-природа». Изменение характера функционирования традиций выражается в сокращении временных интервалов их действия, усложнением зафиксированных в них программ деятельности. В такой ситуации альтернативной традиционалистскому (обращенному в прошлое) способу регуляции может выступить научно обоснованное (насколько это возможно в современных условиях) управление процессами в системе «общество-природа», контролируемое воздействие на них, в первую очередь речь идет об антропогенном факторе. Причем положительные результаты могут быть достигнуты только с учетом нравственных самоограничений, принимаемых человеком, а также с опорой на те формы вненаучного знания, которые несут в себе определенный экологически ориентированный потенциал.

Суть данного способа выражается в постоянно обновляемом с помощью научного поиска, совершенствуемом и корригируемом получении информации об объектах, включенных в сферу социальной практики [8, с. 78-96]. Перспективным в этом отношении является имитационное моделирование, ставящее перед собой задачу установления возможных альтернатив развития исследуемой системы и выбора из них оптимального, имеющего наибольшую адаптивную ценность. Формирование новых средств управления социоприродным взаимодействием не означает замены способа регуляции, основанного на механизме традиции. Само возникновение этих форм предполагает актуализацию института традиции, так как только путем стереотипизации новые подходы могут стать общим достоянием. Происходит своеобразная сциентизация традиций. И если раньше назначение традиции сводилось к тому, чтобы не допускать перемен, снабжать социальный организм тем, чем сама жизнь магическим образом наделяет живые организмы, создавать своего рода гомеостаз, способность оставаться неизменным и лишь незначительно реагировать на происходящие в окружающем мире потрясения и перемены, то в наше время функция традиции заключается в том, чтобы служить орудием для быстрых перемен [11, с. 52]. Одним из решающих факторов такого преобразования является постнеклассическая наука, осознающая ограниченность чисто сциентистского подхода к осмыслению проблем, обнаруживаемых в процессе взаимодействия общества с природой. Такой подход позволяет преодолеть сформировавшуюся в эпоху Просвещения антиномию традиции и прогресса, традиции и развития. Кроме того, очевидно, что, несмотря на успехи, достигнутые наукой, подавляющее большинство людей в своей повседневной деятельности все-таки руководствуются традициями, производными от спонтанного самопознания жизни. Это еще раз подтверждает актуальность утверждения Аристотеля, что «недоказательным утверждениям и мнениям опытных и старших (или рассудительных) внимать следует не меньше, чем доказательствам. В самом деле, благодаря тому, что опыт дал им «око», они видят (все) правильно» [3, с. 186].

Подобный взгляд не должен оцениваться как иррационалистический. Рациональные структуры человеческого опыта не являются самодостаточными, они как бы погружены в океан других видов опыта. В связи с этим суть дела заключается не в выборе «разум или традиция», но в их единстве - «и разум, и традиция».

Этот вывод очевиден в XXI столетии, когда человечество уже не может положиться на надежность работы стихийного механизма «диалектики изменчивости и наследственности». Именно поэтому дальнейшие исследования экологических традиций как механизма коэволюционной стратегии будут иметь особое значение.

Список литературы

1. Алексеева Т. И. Адаптация человека в различных экологических нишах Земли: биологические аспекты. М.: МНЭ-ПУ, 1998. 280 с.
2. Античная литература: Греция // Антология: в 2-х ч. М.: Высш. шк., 1989. Ч. 1. 512 с.
3. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. Кн. 6. 830 с.
4. Бернштейн Б. М. Традиции и социокультурные системы // Сов. этнография. 1981. № 2. С. 107-109.
5. Давыдов Ю. Н. Культура-природа-традиция // Традиция в истории культуры. М., 1978. С. 41-60.
6. Кардашев Н. С. О стратегии поиска вземных цивилизаций // Вопросы философии. 1977. № 12. С. 43-54.
7. Карлин Л. Н., Самусевич И. Н. Глобальный климат, история и культура // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 1. С. 130-138.
8. Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Сов. этнография. 1981. № 1. С. 78-96.
9. Методологические проблемы исследования этнических культур: материалы симпозиума. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1978. 124 с.
10. Мид М. Культура и мир детства // Мид М. Избранные произведения. М.: Наука, 1988. 429 с.
11. Оппенгеймер Р. Наука и культура // Наука и человечество. М.: Знание, 1964. Т. 3. С. 52-66.
12. Плахов В. Д. Традиции и общество: опыт философско-социологического исследования. М.: Мысль, 1982. 220 с.
13. Плотникова Л. И. Возвращение к экофильной традиции // Философские науки. 2003. № 5. С. 136-147.
14. Поэзия и проза Древнего Востока // Библиотека всемирной литературы. М.: Художественная литература, 1973. Т. 1. 736 с.
15. Геобальд В. Экология как эрзац-религия и вопрос её рациональной обосновываемости // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 93-99.

ECOLOGICAL TRADITIONS AND CO-EVOLUTION

Vladimir Nikolaevich Mangasaryan, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy
St. Petersburg Academic University of Russian Academy of Sciences
manvn@mail.ru

Optimization mechanisms of society and nature interaction are researched. Revival opportunities of previous epochs ecophilous traditions are critically analyzed. The necessity of modern ecological culture formation on the basis of ecologically oriented traditions and innovations synthesis is substantiated.

Key words and phrases: society; nature; co-evolution; ecological traditions; ecological culture.

УДК 902

Статья посвящена состоянию и развитию культурно-просветительских учреждений в Горно-Алтайской автономной области в 50-60-е гг. XX века. Основное внимание автор уделяет рассмотрению работ библиотек, домов культуры, сельских клубов, изб-читален, культпросветпередвижек, Домов алтайки и лекционной пропаганде. Затрагивается работа кинофикации и радиофикации.

Ключевые слова и фразы: Россия; Горно-Алтайская автономная область; культурное развитие; библиотеки; Дома алтайки; дома культуры; кинофикация; радиофикация.

Любовь Витальевна Николаускайте
Кафедра истории России
Горно-Алтайский государственный университет
hf@gasu.ru

**СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ
В ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 50-Е ГГ. XX ВЕКА[©]**

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ 10-01-61104а/Г.

Развитию культурно-просветительских учреждений в СССР в 50-е гг. придавалось большое значение. Главной задачей являлось духовное воспитание человека, реализация творческих способностей личности. Правительство Советского Союза направляло на это немалые усилия, но в основном в области культуры, а не развития быта. Это было связано с тем, что перед партийными органами стояла первоочередная задача перестроить сознание людей, изжить так называемые частнособственнические пережитки, в результате чего